

Если в горе-беде ты кому-то помог,

Знай, на небе расцвел

твой бессмертный цветок.

Царство Божие он украшает теперь

и на небе цветет, а не только в тебе.

Т. Шорохова.

“Вам выделена путевка в Сочи, поедете?» — Телефонный звонок приятно удивил. Живительный ручеек голоса работника собесавлился в сердце. Это ерунда, мысленно отвечал Павел Петрович, что осталось всего два дня до заезда, нужные документы оформит лечащий врач, ведь она его любит.

— Засиял, как пятиалтынный, зараза! — уловила приподнятое настроение мужа проходившая мимо жена. — Кто звонил? Очередная мамашка?

Ее лицо давно стало серо-желтым, испитым. Плохо прокрашенные корни черных волос светлели у лба, словно в них еще с зимы попали там и сям снежинки, да не растаяли. Карие глаза смотрели затравленно, над верхней, изломанной шрамом, губой, словно собирая ее в узелок, темнела сеточка морщин. Плохи дела, когда

молодость ушла. Стараясь всего этого не замечать, он притянул сильной рукой голову Ларисы и звонко чмокнул в холодную и впалую, будто спущенный резиновый мяч, щеку.

— Мне дают путевку в Сочи, ха!

Проносившая тазик с яблоками жена охнула, так и присела от удивления.

— Поздравляю! Не... правда, что ли? А на какое число?

— Горящая, уже послезавтра должен выехать. Участник войны отказался в последний момент, ну мне и предложили. Дай пару яблочек, какие пожелтей.

— Паспорт обязательно захвати, коробочку конфет. Кстати, и яблоки, и руки тщательно вымой, мало ли на них всякой заразы!

— Нашла о чем думать... — Павел Петрович смачно хрустнул сочным и душистым плодом. — Зараза к заразе не пристаёт.

Улица после дождя блестела. Конец сентября, а потому было достаточно прохладно. По разбитым ступенькам, забыв про больное сердце, вспорхнул птицей. Пышная шапка курчавых волос Валентины Николаевны светилась нимбом. Счастливец самозабвенно чмокнул соцработника в пухлую щеку, будто она на свои деньги купила ему путевку и подарила.

Студеный, ветреный день, болячка на правой ноге, но он не обращал на все это внимания. Главное, появилась возможность уехать из дома. Юг, море, романтика... ля-ля, ля-ля!..

Сияющий, протянул путевку хирургу, то есть своему лечащему врачу, будто маме, даже хихикнул, заворковал от избытка распиравших его чувств. Еще бы, уже послезавтра он будет в санатории «Авангард», в центре Сочи! У ярко-огненной Риммы Григорьевны приподнялись золотистые очки, а вот пронизательные глаза ответной радости не выразили.

— Куда это вы собрались? — усмехнулась едко. — Какой юг? Вам же нельзя! С вашей болезнью нельзя! Сердце — это не шутка, понимаете?

Ну и денек! За жарким поцелуем последовала звонкая оплеуха. Ай да лечащий врач, ай да проявил заботу. Павлу Петровичу на миг стало душно. Жилистые пальцы с хрустом листали какие-то бумаги, хирург ссылалась на показания, а он, кивая в знак согласия головой, мучительно думал, почему отказывает? Не к ней же на дачу едет. Еще не старая, а стала как вопросительный знак после похорон мужа.

— Иди и верни путевку сразу, договорились?

«Нет, не договорились!». Он постоял на выходе из поликлиники, оглушенный, поразмыслил и срочно заспешил домой, чтобы взять денег.

К знакомому терапевту вошел уже не с пустыми руками. Угостил банкой кофе и коробкой конфет. В конце концов, она не обязана заполнять ему санкурортную карту.

Посидели, вспоминая милую дочку врача. Юленька вместе с сыном Павла Петровича училась в одном классе, дружила с ним вплоть до армии. Но потом ждать не захотела, вышла замуж.

— А могли бы сватами стать! — пожирала дородного мужчину обведенными черной тушью глазищами терапевт.

Пока разговаривали, опытная Ядвига Станиславовна подготовила все, что нужно.

— Только бы Кричалова подписала, она сейчас за старшую, — подня-

лась, потирая пухлую щеку розовым пальчиком, на котором сверкало разом три золотых колечка. — Боюсь, упрется.

Пришлось бежать за второй порцией «гостинчика». Пустяки, как говаривал Карлсон, дело житейское, необходимое, как смазка, чтобы трения не возникало. Впереди явными могучими горами славного Кавказа стояли неизбежно две главные задачи: наплаваться вволю в море и насладиться прелестями курортного города. Втайне хотелось, чтобы встречалась веселая напарница. Вдвоем интереснее всюду гулять, делиться впечатлениями, заплывать далеко-далеко от берега, танцевать по вечерам...

И вот двадцать седьмого сентября, в десять утра, Павел Петрович уже плотно позавтракал и вселился в номер небольшого и уютного санатория.

Внутри спальный корпус оказался просто роскошным. И холл, и коридор, и комнату устилали ковры. По ним ходили совершенно бесшумно. В уютном зале, увешанном большими в золоченых рамах картинами военных баталий, белел молчаливый рояль; словно слушатели, рядом стояли на двухцветных клетках шахматные фигуры в человеческий рост.

Нетерпеливо внимая рекомендациям лечащего доктора о том, как важна для отдыхающего его возраста акклиматизация, вновь прибывший мечтал только об одном — окунуться в желанные волны.

— Сегодня нельзя купаться, вы поняли меня?

Он кивнул.

А сам уже через полчаса спустился на пляж, разделся и, упруго отталкиваясь, прошелся на сильных руках по красным ручкам металлического поручня, преодолевая крупные валуны и бьющиеся о них волны. Боже мой! Скорее смыть усталость слишком жаркой дороги!

Немцы придумали порядок, чтобы его исполнять, англичане — чтобы его исполняли другие, а русские — чтобы этот порядок нарушать. Павел Петрович отлично плавал, а потому скоро оранжевые буйки остались далеко позади.

Красивое здание санатория возвышалось розовым дворцом, утопая в безбрежной и цветущей субтропической зелени. Справа и слева располагались другие санатории. Солнечный берег кипел отдыхающими. С обеих сторон пляж ограничивали бетонные волнорезы.

Он отдыхал, но тело требовало физической нагрузки, тело наливалось силой, делалось пружинистым. Вода тренировала его, вода и возбуждала, и успокаивала. И неизвестно, куда бы он уплыл, но на правой ноге размоталась эластичная повязка. Набрав воздуха, Павел Петрович сжался в комок и попытался развязать узел, — увы, оторвать тоже не получилось. Возвращаясь к берегу, нос к носу столкнулся с лечащим врачом. Плывшая навстречу женщина покачала головой и погрозила пальцем.

Через день за обеденным столом предыдущих супругов сменила очередная пара — мама с дочкой из Мичуринска. Мать и дочь, оказывается, решили тут худеть, ели мало, в основном салаты из овощей и фруктов. Пожилая Виктория Филипповна, казалось, коллекционировала разнообразные морщины, а потому их на вытянутом надменном лице собралось превеликое множество. Дочка Алина, круглолицая, непохожая на мать сорокалетняя девица, за столом чувствовала себя неловко. Ее «карие вишни», как сказал бы поэт Вознесенский про глаза, все время укатывались в сторону, избегая открытого взгляда.

С утра вроде бы случайно встретились на усыпанном разноцветными окатанными камешками пляже. Знакомых Павел Петрович заметил, когда те спускались по ступенькам каменного мостика. На Виктории Филипповне небесно синел то ли атласный, то ли шелковый халат, а на Алине — канареечный. Он обрадовано замахал им руками, мол, сюда, пока есть свободные места.

Как ни стремились похудеть мать и дочь, Алина в желтом купальнике и канареечной шапочке выглядела вполне упитанным одуванчиком. Она стеснялась своей совершенно незагорелой и полноватой фигуры.

— Вы плавайте, а я посижу, — мать принялась натирать себя душистым кремом, спасающим от излишнего загара.

Облюбованный уголок был еще и тем удобен, что от него всего шагов десять вело до ступенек, ведущих на волнорез, в конце которого поблескивали поручни.

— Туда или туда?

— Сюда, — махнула вдаль пухлая рука, — волны сильные, боюсь, ноги о камни побью, синяки будут.

Павел Петрович невольно сравнивал Алину со своей женой. Рослая и худая Лариса была на четыре года старше его. Ее мать, истаяв телом, опустошила и душу за тридцать шесть лет работы врачом в инфекционном отделении. Не сдерживая эмоции, теща требовала и от него, и от дочери просто невозможного: заставляла бесконечно мыть руки с мылом, дезинфицировать марганцовкой посуду, а пол обязательно мыть с хлоркой. Она читала морали про вопиющую нечистоплотность в нынешнем обществе и моральное разложение вокруг — будто они и впрямь провинились. Вернувшись с работы, с убедительным торжеством сообщала или про холеру, или про желтуху, или про еще какую-нибудь очередную эпидемию, накатывающую на город, напоминала про заразные микробы, которые подстерегают человека буквально повсюду. Интуитивно защищаясь от «фанатичной» брезгливости тещи, Павел Петрович, в пику ей, ел невымытые яблоки, расчесывал волосы расческой, взятой у друга, надевал галстук, а то и пиджак с чужого плеча, то есть прятался за собственную небрежность. Внук Олег от бабушки бежал, а вот дочь мать сломала, лишила радостей жизни. Лариса приобрела язву желудка, исхудала, словно вобла на ветру, пожелтела лицом, стала, как и мать, брезгливой. В одном он был благодарен теще: она помогла ему «выбить» вторую группу инвалидности. Он уже трижды отдыхал в различных санаториях...

Удивительно красивы округлые ноги босой Алины, какая мягкая и грациозная поступь! Павел Петрович подхватил кустик бурых, высохших водорослей, в которых застрял песок, и положил себе на оттопыренную вперед губу.

— Пан атаман Грициан! — молодец перед повернулся, приподнимаясь на цыпочки, мол, смотри, каков я.

Веточка соскочила, но ее, изячно наклонившись, подхватила идущая рядом «канареечка».

— Возвращаю ваш портрет, — попыталась она положить «усы» на прежнее место.

В этот момент его рот коснулся вздрогнувших пухлых пальцев Алины, а к мокрым губам прилипли сухие песчинки. Их глаза, напряженные и вопросительные, встретились, извиняясь за неловкость.

Серо-зеленый замшелый волнорыз метров на пятьдесят уходил в открытое море. Они шли, и синева воды, сливаясь с небесной синевой, расширялась перед ними вправо и влево.

— Смотрите, смотрите, солнце на бугре присело, словно отдыхает, — в свою очередь удивилась Алина. — Жаль, я не захватила фотоаппарат.

Дождавшись, когда осторожная «канареечка опустит крылышки в воду», то есть отпустит руки от поручней, Павел Петрович, словно мальчишка, разбежался и нырнул следом.

— Вы меня ужасно напугали! — оживленно улыбалась ему напарница.

Плавала Алина не ахти как, но ему было с ней весело. Он играл со своей спутницей, как карасик с лягушонком: брызгал водой, потом нырял, исчезая надолго. Приносил студенистые лепешечки медуз — угощение от морского царя Нептуна. Его охватило странное подростковое чувство игры с нежно-зеленой, постоянно меняющейся теплой стихией, в которой будто бы плавала одноклассница.

С непривычки девушка скоро устала и вернулась к поручням.

— Как вы думаете, я не обгорю? — спросила сверху.

— Конечно, нет. Уже третье октября сегодня. Я своим звонил, в Воронеже — холодрыга, дожди. Это тут — рай, — его руки вцепились в блестящие ручки лесенки.

«Канареечка» стала медленно поворачиваться, подставляя себя солнцу. Она показала на небо, вверх.

— Как удивительно: ветер дует с моря, а облака наверху плывут в другую сторону. Из-за огромных великанов-гор, которые прижимают город к морскому побережью?

— Соответственно. Ну, что? Сделаем заплыв?

Увы, дочку окликнула мама, оказывается, им надо срочно идти на лечебную процедуру.

Встретились в обед. Павел Петрович ел с завидным аппетитом, а мама и дочь опять «привередничали».

— Зря, — отсоветовал он, умяная вторую порцию нежной жареной форели. — Зря себя измору подвергаете. Раз еда есть, то ее надо есть. Женщина должна быть пухленькой, ей это очень идет.

— Ничего, ничего, — отвечала мать, принимая комплимент и кокетливо сверкая глазками на рослого и симпатичного мужчину, — нам не помешает сбросить килограммов пять, а то и десять.

Когда дочка понесла остатки своего обеда разномастному семейству кошек, а их возле столовой сидело не меньше десятка, мать, задержавшись на минутку, шепнула доверительно:

— Помогите расшевелить мою Алиночку, я вижу, вы человек культурный, веселый, а главное, положительный. Она, увы, не в меня, а в отца, нерешительная — мужчин боится. Зарядите ее своей жизненной энергией. Вы меня понимаете? — Глаза мамы игриво блеснули лукавством, мол, на вас одна надежда. Морщины — это не только результат долгой жизни, но и приобретенного опыта. — О деньгах не беспокойтесь, будете у меня за сына! Дайте мне, пожалуйста, номер вашего мобильного телефона, на всякий случай.

Ого, ему разрешали побыть при даме рыцарем, да еще за зарплату. Павел Петрович вспомнил анекдот про мужика, от которого жена сбежала, а теща, купив лотерейный билет и узнав о миллионном выигрыше,

скончалась от разрыва сердца. «Во, поперло!» — закричал тогда счастливчик.

На самом деле «поперло». Виктория Филипповна, волнуя подрумяненные морщинки на щеках, снизу вверх заглядывая в глаза не то сыночку, не то зятючку, не то просто телохранителю, а возможно, и обольстителю ее единственной кровиночки, вытащила из тугого кошелька пятитысячную купюру, мол, завтра с утра отправляйтесь на Красную поляну или в Новоафонские пещеры. Предложила получить сухой паек на целый день в столовой, ведь на поездку уйдет не меньше десяти часов.

От дальней экскурсии Алина решительно отказалась, сославшись на то, что у нее от длительных поездок сильно кружится голова, мол, и в Абхазии сейчас очень беспокойно, зато согласилась посетить Дерево Дружбы — чай, оно находилось рядом.

Вечером гуляли втроем по обширному парку санатория, любовались на цветущие кусты рододендрона, удивлялись бабочкам, похожим на птичек колибри, которые умели останавливаться на лету и длинными хоботками доставать нектар из красных и розовых цветков.

Проходивший сухощавый старик в форме морского офицера пояснил, что это разновидность бражников — ночных бабочек. Уже вечер, сумерки, вот и зависают бабочки-колибри над ароматными цветами, полными нектара. И впрямь в воздухе разливался душистый и плотный сладковатый запах.

Вечером Виктория Филипповна, сославшись на больные ноги, оставила «молодежь» наедине, успев, однако, погрозить Павлу Петровичу пальцем, мол, не будь раззявой, а будь настоящим полковником.

На освещенной площадке возле столовой заиграла музыка, и начались танцы. Ухажер взял «канареечку» за руку и потянул вперед. Алина пальцы не высвободила, но предложила остаться в парке, в наплывающем полумраке. Павел Петрович решительно прижал к себе ее мягкое и упругое тело, уткнулся носом в пушистые локоны.

— Твои волосы удивительно пахнут жасмином, потанцуем?

Она слегка отшатнулась и вдруг заговорила капризно и требовательно:

— Только о себе думаешь, а я хочу, чтобы ты заботился обо мне, ухаживал, охранял, был моим... рыцарем.

Павел Петрович не стал ничего на это отвечать, просто взял Алину за голову, повернул вверх и стал нежно целовать в теплые, пахнущие молоком губы.

— Идем ко мне, сейчас!

Ноги повернули и зашагали в сторону спального корпуса, рука с силой повела милую канареечку.

Она испуганно остановилась, остекленела глазами и заговорила сердито:

— Все вы только об одном и думаете! А я не хочу так! Чувства нужны... любовь... Я надеялась, что ты не такой...

Но такие слова говорят пятнадцатилетние девочки, остужая не в меру притких ухажеров, а тут уже давно требовалось проявить настойчивость.

Он опять ничего не отвечал, опять страстно поцеловал в губы, щеки, в затылок, руками ощущая, как напряглась спутница.

— Подождите... подожди... Паша, я не могу... нет! Пока не могу, прости. Не обижайся, ладно!

Вырвалась и убежала.

Возможно, Алина, как все девушки, ждала принца, но никто не подъехал даже на серой лошадке, вот и осталась вековухой. Возможно, мама постаралась: в свое время подмяла под себя дочь, желая подобрать ей жениха, не похожего на бесхарактерного мужа. Со временем душа устала ждать и надеяться, закрыла двери, занавесила окна.

На следующий день к Дереву Дружбы выбрались лишь в половине четвертого. На этот раз Алина была в светло-малиновом платье. Павел Петрович хорохорился, тем более мать во время обеда добавила еще две тысячи на карманные расходы:

— Я раньше думал, что Дерево Дружбы — это огромное, просто сказочное дерево, которое растет давно, а потому достигло к этому времени просто гигантских размеров. На таком дереве растут рядом и яблоки, и груши самых разных сортов, а еще вишни, сливы, абрикосы, лимоны, апельсины и мандарины. Многие великие люди делали на него прививки: и первый космонавт Юрий Гагарин, и кубинский президент Фидель Кастро. Сам глава Советского Союза Леонид Ильич Брежнев сделал свой вклад.

Павел Петрович говорил задушевным, бархатным голосом, который, как он знал, очень нравился барышням. И его не просто слушали, ему внимали, не перебивая. Павел Петрович чувствовал, как оттаивает сердце Алины.

Дерево Дружбы оказалось очень красивым садом-музеем плодовых, декоративных и цветочных культур.

Погуляв по каменистым дорожкам, Павел Петрович и Алина сели на скамеечку под широкими листьями банана.

— У меня такое ощущение, что мы находимся в храме, где молятся о том, чтобы человек жил в гармонии с живой природой, — тихо говорила Алина, прижимаясь к его плечу. — Тебе никогда не приходили в голову такие мысли, что Бог — это Природа, в которой мы живем?

Какая непосредственность! Она напоминала ему заснувший бутон так и не раскрывшегося цветка, который необходимо отлить живой водой, то есть оживить. Не умертвить, как это сделала мать с Ларисой, а именно оживить. Оживить обычным детским легкомыслием, мальчишеством, чтобы она почувствовала в нем непоседливого шалуна — своего сына.

Он больно сжал ей пальцы, так что она вскрикнула, а потом достал из кармана два малюсеньких мандаринчика — тайком сорвал с ближайшего дерева.

— Ты права, моя птичка. Мы в раю, и Господь с нами поделился. Отведаем по штучке?

Она звонко рассмеялась, потрепав его за ушко.

— Какой ты, Паша, еще ребенок, хуже маленького.

— Бери на буксир, Алина-малина! Хотя тяжелая это работа — из болота тащить бегемота.

Разговелись. Мелочь оказалась кислой, но удивительно душистой.

Вечером гуляли втроем. Вжимаясь в руку «Пашеньки», Алина с восторгом рассказывала про божественный трепет, который она испытала в храме Природы у Дерева Дружбы. Она и впрямь ожила. Матушку это оживление привело в такой восторг, что старушка увлеклась и сделала лишний круг по аллее магнолий.

Уходя, Виктория Филипповна многозначительно толкнула Павла Петровича локтем в бок и... сунула в ладонь еще три тысячные купюры.

Не пошлы, а поплыли по мраку, залитому душной тишиной. Внезапно их настигла и позвала нежная, хотя и звонкая музыка песни «Букет из белых роз». Как же сильно заколотилось сердце! Ему хотелось схватить Алину, скомкать, будто бумажную, смять, стиснуть так, чтобы она ахнула и охнула, таков был прилив сил. Она же смотрела на него черными томными глазами. На миг музыка застыла на губах сладостным, даже больным поцелуем. Вот с площадки зазвенела зажигательная мелодия «Черные глаза». У Павла Петровича было такое ощущение, будто кровь в два раза быстрее заструилась по сосудам. Ноги так и затрепетали, а руки вытянулись в стороны. Он видел эти черные глаза, и они манили его за собой, магнитили, заставляли вертеться вокруг и выделявать самые разные колена. «Асса!»

Глотнули тишины, прижались друг к другу и закружились в медленном танце. Как приятно после вихря дикой пляски превратиться в загулявшего поэта и, задыхаясь, прошептать на ухо Алины: «Ах, какая женщина! Мне б такую!..»

Она сама робко потянула его в спальный корпус. Луна бежала вслед и падала, срываясь с макушек высоких кипарисов, и растворялась в глазах Алины. Павел Петрович таял от пьянящих предчувствий.

В холле второго этажа, набежав по зеленому мягкому ковровину на огромные шахматы и прячась за них, он игриво предложил: мол, сыграем. Потом, отставив черного ферзя, крикнул по-мальчишески: «Замри!» и поставил королевой зардевшуюся Алину.

— Тебе не хочется скушать белого коня?

— Попробую.

— Ну, тогда пошли. Сейчас ты меня съешь без остатка.

Прошли, лукаво хихикая, уже половину коридора, когда Павел Петрович спохватился, пошарил по карманам.

— Ал, извини, у меня ключа нет. Как же так? Ведь и на стенде не висел. Ладно. Иди к тридцать шестой комнате. Я мигом вернусь.

Вахтерша пожалала плечами.

— Напарник ваш забрал.

— Какой напарник? — он опешил. — Я один живу.

— Жил один. А сегодня, голубок, к тебе подселили участника Великой Отечественной войны. Гордись!

В сердце заклокотала ярость бессилия. Близок локоток, а не укусишь. С опущенной головой возвращался Павел Петрович, раздумывая и не зная, что предпринять.

— Взял ключ? — встретила его порозовевшая в щеках Алина. — Нет?

Он отрицательно покачал головой.

— Прости. Ко мне второго жильца подселили, участника войны, а я про это не знал.

Она нервно расхохоталась, дико сверкнула черными глазищами, но потом тоже отрезвела:

— Не стоит его беспокоить, — посоветовала. — Провожать тоже не надо, — повернулась и поспешно ушла.

«Да-а-а, опозорился! — сжимал кулаки плечистый мастер спорта по плаванию, желая в этот миг набить морды всем старикам на свете, чтобы те не ездили по курортам не вовремя. — Принесла нелегкая! Не мог завтра приехать!»

Напарник еще не спал. Он оказался крупным статным стариком, внешне, особенно белоснежной улыбкой похожим на Бориса Ельцина,

первого российского президента. Участнику Великой Отечественной войны Василию Егоровичу Орлову шел восемьдесят второй год. Бравый солдат привез из Астрахани целый чемодан вяленой, сушеной и копченой рыбы. Захватил для особого случая две бутылки водки. Узнав о том, что Павел Петрович — воронежец, оживился:

— Чуешь, мы, можно сказать, земляки! Во время войны я воевал в районе Георгиу-Дежа, то есть воронежских Лисок: в 1943 году подвозил снаряды на ГАЗ-ММ. За это надо... по граммулечке... так сказать, за знакомство...

Уже через день Василий Егорович объявил:

— Напиши, братец, на меня бумагу, мол, так и так. Старик не дает мне спать, храпит, ну...добавь еще там... неаккуратный, дурной.

Белоснежная улыбка на ночь отмокала в стаканчике, а на ковер иногда проливалось то, что не успевало донестись до туалета. Василий Егорович и впрямь храпел, ведь старость не радость.

— Какие пустяки! Мне с вами и удобно, и комфортно. Я горд, что общаюсь с человеком, который воевал в годы войны в той местности, где я сейчас живу, освобождал правый берег Дона от мадьяр.

— Спасибо, конечно, но ты напиши, прошу!

— Простите, не могу.

— А не обидишься, если я на тебя клязгу настрою? Мне, как участнику войны, положен люкс, чуешь, вот и желаю туда перебраться.

— Я бы хотел жить с вами.

— Авось не сразу переселят, так что поживем. Ты не против, если вечером сюда заглянут две дамы? Выпьем водочки, закусим рыбкой. Ежели пожелаешь, то чернявая твоя.

Было странно, почему не возмутился, почему не напомнил о разнице в возрасте в... тридцать лет? То ли поиграть захотелось, то ли пожилого человека, ветерана войны, уважить? А может, от радости? Алиночка-малиночка перестала сердиться, и у них сегодня состоится многообещающая встреча. Мама намекала, мол, ей приглянулся некий летчик в чине полковника, а потому она идет на танцы. Она уйдет, а «голубочки пусть останутся и погуркуют».

— Спа-си-бу! — Павел Петрович расплылся в улыбке, неужели вояку еще на женщин тянет? Да-а, настоящий солдат. — Овдовел. что ли?

— Почему? Но... бабка моя расхворалась, квашня-квашней стала — под двести кило с лишним, чуешь...

После ужина Павлу Петровичу загорелось пройти по побережью от санатория до морского вокзала. Из-за этого едва не опоздал на торжество.

Часть рыбы была почищена, освобождена от косточек и порезана янтарными пластинами, которые, словно странной формы пуговицы, были насыпаны на узорчатых листьях салата. Блестела потным стеклом бутылка водки. Граненых хрущевских стаканов было всего два.

— Где пропадал? Режь быстрее хлеб! — Толстые пальцы, привыкшие с военной юности крутить баранку, рванули хрустящий пакет с фисташками, потом потеряли толстый нос. — Забыл вилки в столовой захватить, но, думаю, обойдемся. Девчата друг за дружкой выпьют, чуешь, а мы с тобой. Не загребуешь?

В дверь робко постучали. Бравый солдат, одетый в белоснежную рубашку, потрянул седыми кудрями, приосанился, крикнув густым басом:

— Входите! Давно ждем.

Вошли сестры, видимо, двойняшки. Хотя одна была блондинкой, а

вторая брюнеткой, они были очень похожи: невысокие и коренастые, с грустными, словно бы заплаканными глазами. На блондинке переливалось яркое синее платье, а на чернявой полыхало вызывающе красное. Чернявая, обомлев, уставилась на Павла Петровича, неужели повезло?! Сладко запахло сиренью.

— Нина, — тонким срывающимся голосом представилась блондинка, чуть поклонившись, — гм, сестру зовут Зоей.

— Меня вы знаете, а это друг Паша. Садитесь рядышком, мы же — с той и другой стороны, — распорядился Василий Егорович, разливая водку. — Ну, что, за знакомство?..

Увидев всего два стакана, Нина покачала головой.

— Не-е, так не пойдет. Я сейчас еще посуду принесу, мигом. Чай, мы же неподалеку от вас живем, в сорок четвертом номере. Заодно и сынка посмотрю.

Круглолицее и курносое лицо Зои напряженно покраснело и замерло в ожидании, она не знала, что ей делать, а потому сидела, будто на экзамене, положив на край стола крупные руки селянки с окрашенными в бордовый цвет ногтями.

— Дюже дорогие путевки-то? — спросил Василий Егорович, продолжая стоять со стаканом в руках. Как же он сейчас походил на Ельцина, точь-в-точь.

— Это Нинке дали, точнее, пацаненку, я сопровождающая, — бросив косо взгляд на долгожданного красивого кавалера, глубоко вздохнула Зоя.

— Ну-ну, — ничего не понял ветеран. — Вот и хорошо!

Павел Петрович тоже ничего не понял, а переспросить не успел, так как вернулась Нина. Она оставила дверь приоткрытой.

Выпили за встречу и за знакомство. С удовольствием поели рыбы. Выпили за Великую Победу, за «орла-победителя Василия Орлова!» Слово взял Павел Петрович. То ли от водки, то ли еще почему, но он почувствовал, как проваливается в какую-то пустоту, летит в другое измерение. Ему казалось, что за столом не люди сидят, а шевелится российский флаг.

— Знаете, — зарокотал вкрадчивым бархатистым баритоном, который, как он знал, так нравится женщинам, — белый цвет символизирует благородство, — показал на рубашку Василия Егоровича, — синий, — улыбнулся Нине, — безграничное терпение, а красный, — он подмигнул Зое, — любовь. Надеюсь, вы оцените мужское благородство и у вас хватит терпения и любви, чтобы...

Закончить тост не успел, так как в коридоре кто-то нежным детским голосочком запел песню: «Я желаю счастья вам...».

Нина, краснея лицом, разом вскочила и, извинившись, исчезла.

— Какой замечательный голос! — от души сказал тронутый за живое Павел Петрович.

— Это Миша, мой племянник. Он инвалид первой группы, колясочник.

Ах, вон оно что! Нечего мальчишку прятать, нечего ему одному в комнате сидеть. Павел Петрович встал и тоже вышел в коридор.

Комната с номером сорок четыре была крайней, выходила в небольшое фойе по другую сторону коридора. Только повернул — и столкнулся с Ниной. Было такое ощущение, будто он уткнулся в куст цветущей сирени, так силен был аромат духов. Она, видимо, решила, что он идет к ней. В тревожных серых глазах мелькнуло что-то алчное и ненасыт-

ное. Женщина вдруг накинулась на долгожданного мужчину, как собака на кость, сильными руками нагнула ему голову и стала истерично целовать губы, щеки, лоб, опять, очень больно, губы. Затем резко потянула в сторону пустой бильярдной комнаты. Он отшатнулся и притор-мозил.

— Я за двадцать лет измучилась, я больше не могу, — истерично всхлипнула Нина, — а я человек, я обычная женщина. Ну, почему я лишена всего-всего, почему? Разве я виновата в том, что случилась врачебная ошибка, скажи, я виновата? Нет, ты скажи, скажи...

Павлу Петровичу стало совестно за то, что он родился рослым, умным и здоровым, за то, что усиленно занимался спортом, стал мастером спорта, а потом тренером по плаванию. Ему стало совестно за то, что он женат, родил здорового сына.

А его уже отпустили, лишь смотрели с тоской, дышали тяжело.

— Чай, сельские мы. Втроем живем на отшибе. Скотину держим, огород. Зоя у фермера на коровнике трудится скотницей, коров руками додает, а я куды с больным ребенком годна, на кудыкину гору?

И всхлипнула, и припала к груди, а затем взглянула с надеждой: лучисто, благодарно.

— Хочешь с Мишей побыть? Вижу, сердце у тебя доброе. А коли так, то побудь обязательно. — Уходя, повернулась и резанула глазами. — Погody-ка, тебе, чай, Зойка больше приглянулась? Нет? Ну, тогда мы с сестрой на танцы слетаем? Ты нас отпускаешь?

Он кивнул.

Дверь с номером сорок четыре открыл с некоторой робостью. За столом перед тарелкой с желто-зеленым виноградом сидел в черной старенькой инвалидной коляске круглолицый и курносый парень, в розовой футболке, удивительно похожий на мать. Его огромная лысая голова, несо-размерная худому телу, тонким рукам и ногам, была в извилистых баг-ровых шрамах. Миша смотрел на Павла Петровича красноватыми воспа-ленными глазами и... улыбался.

— Здравствуйте! Зачем вы пришли? На меня посмотреть? — спросил звонкий, просто хрустальный голос.

Какой ужасный вопрос! Какой ужасающий вид! Однако Павел Пет-рович улыбнулся в ответ и кивнул, только сердцем затрепетал.

— Сидишь тут в одиночестве? — сказал несколько развязно, продол-жая ответно улыбаться. — Почему на танцы не идешь?

Его шутку не поняли.

— Мне часто приходится бывать одному, — вздохнул Миша, — ведь мама и тетя Зоя занимаются по хозяйству. Я привык, это моя обязан-ность — терпеть и ждать. Они и тут запирают меня, когда уходят, а я жду...

— В туалет не хочешь сходить?

— Нет, не хочу.

— Тогда поехали! Миша, ничего не бойся, я буду твоей нянькой, хо-рошо? — Сильные руки мигом развернули коляску в сторону двери.

Однако парень испугался решительных действий незнакомого чело-века, он ойкнул и отрицательно затряс руками.

— Не надо! — закричал. — Я прошу, не надо! Боюсь, боюсь, боюсь! Меня уже несколько раз роняли. Голова в шрамах и болит. Последний раз дядя Коля в яму на камни опрокинул, когда был пьяный. Не надо возить, лучше поговорите со мной.

Обескураженный Павел Петрович присел прямо на кровать.

— У меня сын. Уже вырос, Миш.

— Я тоже взрослый, мне 25 лет.

— Ба, ты ровесник моему Олегу, что же, очень приятно беседовать с взрослым человеком.

Неожиданно замыкал котенок, а потом залаял щенок. Это зазвонил лежащий на столе черный телефон.

— Да, — Миша прижал к уху мобильник, — нет, дядя не ушел... Ага, можете погулять... Хорошо...

Красные воспаленные глаза смотрели и на Павла Петровича, и куда-то еще дальше.

— Мне еще пять лет жить осталось, я знаю. Но я не ропщу, я с Божьей помощью привык терпеть. Люблю слушать песни и многие запомнил.

О чем же еще поговорить? Что сказать в утешение? А ничего. Увы, свои руки и ноги не приставишь, а слова... сколько же их, наверное, сказано! Слезы? Сколько их выплакано... горьких! От судьбы в окно не выпрыгнешь и не убежишь, увы. Но неужели он, такой большой, крепкий и сильный, да еще и умный, ничего не сумеет придумать?

— Спой, пожалуйста, ну-у... про снег шальной.

Миша поднял голову и уставился выпуклыми глазами на картину, что висела над столом, с солнечным ярко-голубым морским пейзажем, белым парусом яхты и чайками. Радуюсь тому, что его пришли послушать, улыбнулся и запел нежным высоким голосом семилетней девочки.

Песня — это единственная радость и утешение, какие были у загнанной в угол и придушенной там жестокой действительностью души. Песня была светлой и, казалось, ее беспечно пела маленькая принцесса, счастливая «стрекоза». Она скакала между папой и мамой и звенела на весь мир малиновкой: «Я желаю счастья вам».

Когда-то, кажется, сто лет назад, Павел Петрович, будучи восьмиклассником, влюбился в Юлю Хрусталеву, которая была на два года его старше. Она со школьным ансамблем репетировала ту самую, столь знакомую мелодию: «Мы желаем счастья вам». Солистка так и не узнала о том, что парнишка, гоняя мяч под раскрытыми окнами актового зала и обмирая сердцем, жадно вслушивался в звонкие пожелания.

Сейчас Павел Петрович живо представил пыльный стадион, старый порванный мяч, голубые створки раскрытого окна и смуглую, похожую на цыганку девушку.

Я желаю счастья вам!

И оно должно быть таким —

Когда ты счастлив сам,

То счастьем поделись с другим!..

А каким счастьем мог поделиться с другими Миша?

Провел рукой по щеке и вытер слезу. Поймал себя на мысли, мол, почему-то Юля пела «Мы желаем счастья...», а этот соловей — «Я желаю...»?

Неожиданно вернулись мама с тетей, обе сердитые, взъерошенные.

— Не нашли женихов? — встретил их Павел Петрович.

— Почему, нашли, — горько усмехнулась Нина. — И с медалями, и с погонами. Вот только им всем за восемьдесят с гаком. Ну, а как вы тут?

— Дядя добрый, я ему пел песню, — простодушно отвечал Миша, радуясь и похлопывая себя ладошками по коленкам.

— Угоджайтесь виноградом! — поднесла тарелку с янтарными кистями Нина. — А может, попьете кефирчику на ночь?

— Спасибо большое, но мне надо бежать.

Возле столовой, на освещенном круглом пятачке еще слышалась музыка — танцы продолжались. Гонимый раскаянием и целым роем вопросов к самому себе, удивленный и опустошенный Павел Петрович поспешил вниз, в темноту, к шуму набегавших волн. Ему никого не хотелось видеть.

«Господи, — опять смахнул слезу, — святой человек, желаешь всем счастья, всем-всем, кроме себя. Нет, так нельзя! Нельзя!..»

Волны шипели змеями, пенисто набегая на берег, а у него в ушах укором совести звучал звонкий голос Миши. Павел Петрович не мог объяснить себе, почему ему расхотелось видеться с Алиной.

На следующий день, завтракая в столовой, не разговаривали. Дочка на него дулась, а мама сердилась.

После обеда Нина подвезла сына и уже по-свойски вручила коляску няню-добровольцу, пояснив, мол, им крайне надо выехать на рынок. Когда она наклонилась, поправляя сыну желтую подушечку, на которой тот сидел, Павел Петрович успел заметить просвечивающий под светлой кофточкой зеленый купальник. Что же, пусть искупаются с сестрой, отдохнут.

Они покатали по обширному санаторскому парку. Нянь переборол в себе робость, а потому нет-нет, а нажимал на курносый кончик носа Миши, когда надо был пипикать, чтобы их пропустили гуляющие, а то и весело надвигал ему на глаза белую панаму.

На одном из поворотов он увидел сидящих на скамейке маму и дочь. Виктория Филипповна гладила по голове грустную Алину, которая жаловалась матери на свою несчастную судьбу. Павел Петрович резко повернул влево и скрылся за раскидистым кустом граната. Но внезапно его осенило.

— Спой о счастье, — попросил ласково Мишу, — порадуй всех нас.

Он объехал кустарник с другой стороны, приблизившись к скамейке, на которой сидели его знакомые. Неожиданное появление, а особенно пение, лишь усугубили их отношения. Оскорбленная Виктория Филипповна — ведь ее дочь предали! — вскочила со скамьи, схватила Алину за руку и потащила за собой в глубину парка.

Павла Петровича такой поворот отношений возмутил: Алина была здоровым человеком, вполне симпатичным. А потому могла еще перебороть свой эгоизм, найти подходящего человека и, глядишь, создать семью, родить детей. В конце концов, она вволю плескалась в море, а вот Миша мог только спеть песенку: «Я желаю счастья вам!» Приехав в санаторий, несчастный колясочник не смог ни разу искупаться.

Надо, решил, дать возможность и ему окунуться в воду, ведь море такое теплое. Замечательная идея, но как ее осуществить?

Завез коляску в тренажерный зал и обратился к тренеру, чтобы тот помог спустить Мишу на пляж.

— Какая разница: сын или не сын! Поет хорошо, за сердце так и берет. Оторвись, всего на пять минут.

— Да ты с ума сошел! — быком взревел тренер. — Как я могу оставить зал?

Положение спас проходивший мимо молодой полицейский. Он не

стал рассуждать. Вдвоем подхватили коляску и осторожно начали спускать вниз.

Встревоженный Миша, округлив глаза, вцепился в ручки и все время повторял: «Боюсь! Я уже падал! Было больно! Я боюсь!».

— Давайте до воды донесем, товарищ лейтенант! Если бы вы знали, как наше золотко поет: «Я желаю счастья вам!» Миш, не бойся, ведь и мы желаем тебе счастья.

Молодой парень в форме вытер пот и улыбнулся.

— Конечно, раз приехал к морю, брат, то обязательно надо поплавать и позагорать.

Они поднесли Мишу к самой воде, которая ласково шуршала, набегая на гальку вплоть до инвалидной коляски.

— Спасибо огромное, товарищ лейтенант! Миша обязательно споет для вас и пожелает счастья. Приходите вечером в комнату 44.

Начал с того, что разул парнишку и закатал обе штанины повыше. Затем стал черпать воду пригоршнями и поливать худые бледные ноги.

— Совсем ничего не чувствуешь?

— Чувствую. Хорошая водичка.

Оказывается, у слабости есть необыкновенная, растворяющая душу сила — сила сострадания.

Коляску обступили сердобольные бабушки, предлагая свою помощь. Они взялись раздвигать Мишу.

— Хрестик не снимай! — распорядилась рыжая старушка. — Осторожнее тяни футболку! Ишь, голову мальчугану готова оторвать!

Они подхватили худенькое тело и осторожно стали опускать в морскую воду, которая, казалось, тоже была взволнована происходящим, а потому колебалась туда и сюда.

Миша ахал, всплескивал испуганно тонкими руками, цеплялся за колеса своей коляски, ведь мама и тетя внушили ему, что купаться в море слишком опасно, но все обошлось. Возбужденный галдеж вокруг, радостные лица, крики одобрения подействовали успокаивающе. Процедура впрямь была приятной. А случайно хлебнув морской водицы, Миша узнал, что она соленая.

Павел Петрович не задавался вопросом, почему он так поступает. Для него это было естественно, как будто он только и мечтал поехать в санаторий, да еще в Сочи, чтобы там познакомиться с инвалидом-колясочником.

Женщины, не удержав, выронили Мишу, окунули с головой, но сильные руки няня подхватили фыркающего и кашляющего купальщика и вынесли на берег.

— Вот мы тебя и познакомим с морем поближе! — хихикал он, с ужасом разглядывая худящее посинелое тело, которое тряслось, словно в лихорадке.

— Все-все, успокойся. Это, так сказать, твое крещение. Солнце очень теплое, сейчас согреешься, а ну ложись на горячие камешки. Ложись, ложись!

— Мне нельзя подставлять голову солнцу, — напомнил, икая, его подопечный. — Будет болеть. Наденьте панамку.

Но дрожь и впрямь скоро прошла, настроение улучшилось настолько, что Миша сам попросился в воду. Павел Петрович поднял его, совсем не тяжелого, за руки и... пронес на глубину.

— Главное, — предупредил, — задирай голову вверх и плыви! Старайся не хлебать, а то море обмелеет мигом — всю воду выпьешь.

Ловко перехватил худое тело за бока, дал возможность Мише побарахтаться и повизжать от восторга. Кричал вместе с ним, радуясь неизвестно чему.

На первый раз хватило трех заходов. На мостик исхитрился подняться без чьей-либо помощи. Сделал просто. Сначала вынес пустую коляску, а уж потом Мишу.

Вечером, когда мама с сестрой ушли на танцы, Павел Петрович, закрыв глаза, слушал песни — удивительный голос вновь уносил его в прошлое, в милое детство.

Приноровившись, он и на следующий день дал возможность Мише покупаться в море. На этот раз воспользовался спасательным кругом, облегчившим плавание.

Они облюбовали себе подходящее местечко между левым волнорезом и красными поручнями, за которые желательно держаться, когда по камнямходишь в шумные морские волны при достаточно крепком бризе. Красиво обложили ложе круглыми каменными лепешками. Подбирая разноцветные кругляши с дырочками и коряжки, умудрились смастерить фигурки смешных спорщиков: мужчину в шляпе и двух женщин, одну зеленоволосую и худую, а другую толстую и рыжую. Все трое топырили в разные стороны руки-коряжки и, казалось, кричали друг на друга черными провалами округлых и овальных ртов.

Миша был просто в восторге. Он гладил рукой то одну, то другую фигурку, поправляя «одежды» и «волосы».

— Это Прошка — не нос, а картошка, а в руках — гармошка! — задорно кричал Павел Петрович. — Его дочь Нюра... — тянул руку, чтобы пригладить ее прическу.

— Не совсем умная, но и не дура, — в тон ему отвечал, смеясь, Миша.

— А это их мама Клава — не идет, а плывет, будто пава!

— А о чем они так азартно спорят? — спрашивал нежным и мягким голосом парнишка. — То ли блины им печь, то ли песни петь?

— Купаться или не купаться. Ну, что, идем в воду?

— Ага, будем плавать...

Фронтовик Василий Егорович добился своего: перебрался в левое фойе санатория, в одиночный номер-люкс. И опять Павел Петрович остался без напарника. Что же, он стал привозить коляску к себе.

— Пусть мама и тетя Зоя отдохнут, — толковал он Мише. — А мы, мужики, сами с усами, управимся, верно?

Они ехали на пляж! Сначала Павел Петрович относил «певчую птичку», а уж потом коляску.

— Давай разденемся, теперь ложись на камушки.

Притащил в шапочке плавающую в воде небольшую медузу, показал:

— Видишь, какие чудесные зонтики плавают в море.

Миша, широко раскрыв рот, смотрел во все глаза.

— А можно потрогать? Ой, зонтичек шевелится.

— Это медуза, живая.

Миша показал рукой на хризолитовую, подвижную морскую поверхность вблизи от мола, на многочисленные белесые кружочки, плавающие в зеленоватой толще воды.

— Их там много, зонтиков, да?

— Да! Моя племянница после поездки в Крым своему сыну Никите стишок про медузу написала. Он мне так понравился, что я запомнил. Послушай:

Чудо какое!
У ног карапуза
Мягким котенком
Трется медуза.
— Будем знакомы,
Я мальчик Никита.
— А я — Аурелия Аурита.

— А почему Аурелия Аурита?

— Так называются медузы, которых мы сейчас видим в воде. Идем еще плавать! Обнимай меня руками, держись за шею, крепче держись!..

Увы, курортное время летит быстрее обычного. Готовясь домой, Павел Петрович купил и жене, и сыну по огромной раковине, достаточно дорогую кожаную женскую сумку ручной работы — под выходное платье. Взял ящик отборной хурмы и десять килограммов колотых грецких орехов.

— Знаешь что, друг, — сказал он колясочнику в их последний вечер, доставая те деньги, которые давала ему Виктория Филипповна. — Тут десять тысяч. Порадуй маму. Она у тебя очень терпеливая.

